

Впервые с той трагичной для него ночи в Персидском заливе Михаил чувствовал себя спокойно. Девять дней он уже находился здесь, и ему нравилось. Вчера наконец ушли атомщики и спецы по установке регенерации воздуха. Долго по очереди жали руку, желая удачного эксперимента и личного здоровья, мило и как-то виновато улыбаясь. Оружейнику они нравились, эти научники в белом, эти люди из другого мира. Приятно было с ними общаться — тактичные, обходительные, даже застенчивые в чем-то, и в то же время страстно увлеченные своим делом, непостижимо умные люди.

«Все, один. Целый год одиночества. Мечта сбылась», — улыбнулся про себя Войнов. Кто бы знал, как он устал от людей.

Следующим утром Оружейник проснулся рано, давненько он так не выспался, прошедшей ночью он не срывался в пропасть, его не пытали, не казнили, не умерщвляли различными предметами, кошмары-вороги почему-то покинули свой пост.

— Я люблю тебя, бункер! — громко крикнул мужчина, не боясь, что кому-то помешает. — Красота!

Потянулся, сполз на пол, извернувшись, натянул высокие овчинные чуни, закрепив их к голени скотчем, следом широкие кожаные наколенники и налокотники, сделанные им самим из сыромятины, более похожие на средневековые поножи и наручи.

— Ну, вроде как удобно.

Проделав несколько упражнений в таком снаряженном состоянии, Михаил ужом двинул в туалет, а следом в душ, там, конечно, пришлось разоблачиться. Вернувшись в спальню, тестировщик прорывных технологий надел один из парусиновых комбезов, добротного изготовления для него пошивочным цехом полковника, а поверх всю свою амуницию, которую в шутку называл латами полоза, тщательно закрепил ее скотчем, дабы ничего не выбилось при движении по-пластунски. Добрался до платформы, привычно, доступными физическими упражнениями проистязал себя примерно с час, следом уже привычно туалет и душ. По-быстрому добрался до столовой, глотнул поливитамины, сделал себе кофе, разбавил баночным молоком, открыл ветчины, добавил к этому пару галет. Умял в свое удовольствие. Рядом Тигра с удовольствием наминала ветчину.

Подкрепившись, он добрался до платформы, где и прилег. Было удобно и тепло, пахло свежеструганной лиственницей и оружейным маслом. Михаил уже перетащил поближе к сердцу и снайперскую винтовку «Корд», и одноименный пулемет, и даже пару АПС*, периодически перебирая их до последнего винтика и обратно, любовно нанося смазку, по ходу замечая изъяны массового производства и обдумывая пути исправления и улучшения изделия. Это нехитрое монотонное занятие всегда, даже в очень сложных ситуациях, помогало Оружейнику достичь внутренней гармонии и заменяло молитву.

Повод понервничать сейчас был. Миха ждал, когда же начнется то, из-за чего он здесь как речной рак, проверяющий качество воды, и это ожидание расшатывало нервы. О том, что проект может сорваться, офицеру думать не хотелось. Для него теперешнего, почему-то уверовавшего, что у него в этой подземной субмарине все получится, и он еще раз будет полезным Родине и сам как-то по кусочкам соберется, срыв проекта все равно что пуля в висок.

О запуске Войнов знал немного. Знал, что прозвучит тревожный сигнал, и загорится вон тот красный плафон на своде, следом начнется продувка, и будет шумно, затем герметизация и

включение всех систем. Да, еще красный плафон должен стать зеленым, явный признак штатно работающих систем — автоматика.

Оружейник засмеялся над собой, сотрясаясь, уткнувшись лбом в брус. Что может знать речной рак о водоканале и его работе, будучи наглядным биоиндикатором пригодности подаваемой городу воды?

Вспыхнул красный плафон, заголосила сирена. Все естество Миши привычно отреагировало, кровь вскипела от адреналина, мужчина подскочил на одних руках — сработали вбитые годами боевые рефлексы — и тут же кулем повалился на платформу. Подсознание почему-то до сих пор не хотело признавать, что ног, можно сказать, нет.

— Полоз не может прыгать и бегать, он должен ползать, — сквозь плотно сжатые челюсти прошипел Оружейник.

Зашумело, будто лес под сильным ветром.

— Продувка, мать его! Держись, Тигра!

Он вынужден был вжаться, прихватив одной рукой крупнокалиберную винтовку, стоящую на сошке, второй клетку с юнгой, которую потащило по платформе, как и другую мелочевку: патроны, магазины, цинки, которые просто, как сухие листья, снесло к бордюру.

— Вот дают. Бляха! — сквозь зубы выругался Михаил. — У них там точно что-то пошло не так.

Нагнетаемый воздух подходил для чего угодно, но только не для дыхания, он был плотным, словно насыщенным прогорклым маслом вперемешку с серной кислотой. Оружейник даже закашлялся от сильного кислого привкуса во рту.

— Эй! Эй! Подопытные человек и крыса, мать вашу, протестуют! — Войнов кричал, ругался, все тщетно, хотя на поверхности его должны были и слышать, и видеть через камеры и микрофоны.

До экстренных телефонов Миха дополз быстро, они не работали, но облом со связью его почему-то не удивил. Офицер орал благим матом, пытаясь привлечь к себе внимание, но вдруг замолк. От двери с «жизнеутверждающим» название «Радиация» тянулось странное золотое свечение со вспыхивающими то тут, то там искорками.

Из уст Оружейника вырвалось всего три слова:

— М-дя, пи...ц, однако.

Спокойно дождаться этого искрящегося и будто живого смога выучка не позволила. Миха схватил клетку с Тигрой и перевалился через бордюр платформы. Удар о бетонные шпалы пришелся на ноги, он ничего не почувствовал и шустро пополз к самому удаленному месту от реактора. Юнга, несмотря на юный возраст, стойко перенесла встряску и кувырки, вцепившись намертво в прутья клетки в стиле дам, впервые пришедших покорять крутые «американские горки», с ошалелыми глазами и вздыбленной шерстью.

— Матрос, не ссать, — орал Оружейник, — мы еще покочевряжимся, морскую пехоту просто так не возьмешь, едрена вошь.

Ползти и держать в одной руке клетку оказалось тем еще занятием, обхохочешься. Подобное

мазохистское бегство тоже когда-нибудь приходит к завершению. Вот и все, конец пути. Тут тебе и тупик, и самый крайний стенд для стрельбы. Миха осмотрел себя: штаны на месте, тапочки тоже остались с хозяином, клетка с юнгой присутствует. Надо же, оказалось, экстренная эвакуация прошла штатно, без потерь.

Ну вот и оно, его место, рядом с мишенями, что ж, символично.

Необъяснимая золотистая хрень остановилась примерно на ста восьмидесяти метрах.

— Похоже, чуток поживем еще, — шумно дыша, усмехнулся Войнов и сморщился. Голова гудела, как пивной котел, в самый ответственный момент. — Плевать, потерпим, — прохрипел мужчина и обернулся к мишеням.

Пришлось ломать их и сооружать что-то наподобие гнезда-лежанки, благо мишени деревянные, сил хватило.

Прошел час, два, и еще два, а Миха все ждал. Мертвую тишину изредка нарушала попискивающая Тигра. Воздух, видимо, ей не нравился, или голова, как у напарника, «бо-бо», уже и не голова вовсе, а барабан в руках отморозка, вообразившего себя Яном Пейсом из «Deer Purple».

— Люди, где вы? — без всякой надежды позвал Оружейник и хохотнул: — Умереть от мигрени... да меня в чистилище не пустят, скажут: «Пшел отсюда, халявщик».

В ответ все та же тишина. Никто не бежал, не спасал, не укутывал в одеяло. Где спецы, где яйцеголовые, где на худой конец пожарные? Гнетущее затишье удручало. Одно хорошо, воздух вроде очистился, больше не смердело разбитыми аккумуляторами.

Оружейник подвинул к себе клетку с Тигрой:

— Знаешь что, юнга, ввиду нештатной ситуации на борту держать и дальше тебя под арестом считаю постыдным. Если уж и придется нам погибать, всяко свободными это сподручней делать.

Михаил открыл клетку. Крыса медленно, с явным удовольствием выбралась и тут же отправилась исследовать, что тут да как.

«Эй, куда?» — про себя обратившись к Тигре, Оружейник пожалел, что выпустил ее — убежит же, и возможно, навсегда.

Внезапно его накрыло, или наехало что-то непонятное: безудержная радость от движения, от простора, удовлетворение, перед глазами полный хаос, зрение и обоняние в одном. Импульсами скакали черно-белые, очень контрастные картинки с цветастыми неоновыми всполохами немыслимых запахов, несущих ворох чуждой информации. Миху замутило, закружилась голова, пришлось закрыть глаза и глубоко вдохнуть.

Придя в себя, Оружейник потрянул головой и шумно выдохнул:

— Я видел мир и запахи ее глазами, я чувствовал, как она. Да я волшебник, тудыт-тую! Удивительно.

Эти новые ощущения будто подхлестнули в мужчине жажду к жизни, у Михаила вдруг появился неподдельный интерес к этим новым способностям.

— Не, умирать не хочу. Да ни за что, с такими-то талантами. Теперь мы с Тигрой хоть в цирк, хоть в медвежатники, или еще куда, везде эксклюзивны.

Миха пошарил по карманам — где-то была пара-тройка галет. И правда, нашлось пяток галет, запаянных в целлофан, складной швейцарский нож, скотч, магнелиевое огниво — памятная вещь, и, конечно, кровный брат, уже давно ставший частью Оружейника, — нож из голубой стали, носящий имя «Аристократ» и хранящийся в ножнах на левом предплечье. Все.

— Негусто, — Войнов покачал головой, представил Тигру, посмотрел на галеты, откусил и постарался все это передать.

Опять накрыло и тут же отпустило. Через несколько секунд крыса прыгнула ему на грудь, он протянул галету. И без контакта было понятно — зверь голодный. Пока уминали по-братски сильно урезанный паек, Оружейник подводил итоги:

— Итак, что мы имеем? А имеем мы сильную головную боль, результат, скорей всего, отравления, вызванного интоксикацией органов дыхания. Гипоксии явно нет, головокружения, рвотных позывов тоже, аппетит присутствует, сознание не терял, пульс, давление в норме. С момента казуса часов пять точно прошло, значит, не все так плохо, и отек легких мне уж точно не грозит.

Сняв одежду, он осмотрел себя: несколько детских ссадин, пара уже более серьезных царапин на ладонях — результат спурта по-пластунски, да еще огромный синяк на бедре. Остальное было в норме, по-настоящему беспокоила лишь головная боль.

«Конечно, нужны медикаменты, но как к ним пробраться? Остается лишь перевести дух и хорошенько поразмыслить о случившемся, пока юнга мою долю доминает, — решил офицер и принялся перечислять факты и строить догадки: — Итак, произошло что-то явно выходящее даже за рамки чрезвычайного. Доводов с избытком, и все весомые: отсутствие связи, необъяснимое явление в пределах реактора, полное бездействие ответственных служб и лиц.

Так, теперь по порядку. Воздух. Могла произойти диверсия на воздухозаборнике. Нет, несостоятельно, подопытный жив, что угодно, только не диверсия; авария на химическом предприятии — это бы да, но в этом до приторности ухоженном городке подобного производства не имеется, даже в проектах. Кто ж будет загрязнять самый экологически чистый город на Северо-Западе? Если кто-нибудь из состоятельных что и замутит, атомщики костями лягут, но напрочь изничтожат подобное, причем вместе с зачинщиками, эти парни еще те выдумщики. Нет, это тоже отмечаем. А если смещение пластов, землетрясение, нарушившее воздуховоды, и проникновение пластовых газов? Нет, бред. Кажется, с воздухом „разобрались“, понятно, что ни хрена не понятно.

Связь. Связи нет, и объяснений этому тоже нет. Без сомнений, эта составляющая проектировалась и осуществлялась военными спецами. Зная не понаслышке об этой сфере и людях, которые в ней работают, и учитывая современные технологии, случившееся ни в какие ворота не лезет. Необъяснимо. Получается, со связью тоже „разобрались“. Все веселее, блин.

Реактор — вовсе необъяснимая хрень. Явно какое-то не встречаемое ранее физическое явление. Что можно сказать? У двери в реактор золотистый смог насыщеннее, далее по мере удаления блекнет. Выглядит необычно, поэтому устрашающе, а вот моя хваленая интуиция как-то сомлела, глядя на переливчатую красоту, опасности не чувствует, как будто я младенец в утробе, ощущения первозданно теплые, даже можно сказать, добрые, — Оружейник тряхнул головой. — Ну бред же, морок.

Очередное „разобрались“. Что-то это удручает.

Осталось бездействие поверхности. Полдня прошло, если не больше, а с большой земли молчание, и это сильней всего напрягает. На таком объекте помимо видео-, аудиокомплексов отслеживания должна быть туева куча датчиков, которые все это время должны где-то мигать, пищать, показывать что-то типа „Внимание! Опасность! “. И где реакция? Тихо и спокойно, как на погосте. Нет, на поверхности что-то не так, очень не так. Да и полковник должен был в крайнем случае пробиться, этот человек за своих и ядерную войну в состоянии развязать».

— Где ты, Батя? — вздохнул Войнов. — Похоже, и с последним «разобрались», что-то как-то нерадостно. Нужно по-любому выбираться на поверхность, альтернативы нет, — принял решение Михаил и схватился за голову, выругавшись: — Задрала, сука! — боль только усиливалась. — Нет, здесь я долго не протяну. Покемарить бы часок-другой, да как с такой головой заснешь. Все что нужно там, — мужчина посмотрел на освещенную платформу.

Она была в порядке, выглядела все так же ярко, но не она приковала внимание. За границей золотого смога, будто подсвеченная искрами от бенгальского огня, сидела, спокойно намываясь, Тигра. Вот же палубная шустра.

Увидев, что на нее обратили внимание, плутовка подпрыгнула, пискнула и припустила к платформе. Остановилась, посмотрела на Оружейника, пару раз лизнула шкурку и двинулась в том же направлении, как бы говоря: «Чего сидишь ждешь, увалень?». Активация связи с удаляющейся юнгой на этот раз прошла очень уж просто и даже обыденно, а главной — без того хаоса чуждой человеческому виду информации.

Миха хорошо видел глазами Тигры мелькающие шпалы, блестящую ленту рельсы, на ней свои отпечатки и следы других людей, и он почему-то точно знал, что, увидев строителей, не важно, через год или через десять, он точно скажет, чьи это следы. Разум будто сам подстраивался, пропуская или преобразовывая только то, что понятно. Хотелось бы думать, что это именно мозг Homo sapiens продуцирует подобный фильтр, а не Rattus.

«Ну что тут поделывать, не по уставу инициатива, но этакую отчаянную смелость и своевременность надо поощрять. Звание матроса напарница уж точно заслужила».

Тихо запев Высоцкого:

— Корабли постоят и ложатся на курс, — Михаил без страха вполз в этот золотой густой свет. Чего бояться? Тигра умная, и чуйка у нее явно на порядок лучше развита, не полезет она в опасное место — вон как беззаботно себя ведет.

Закрыв глаза, вдохнул, медленно выдохнул. Ничего не произошло. Нет, не так. На самом деле раскаленный железный обруч боли, медленно, но верно сжимавший виски, рассыпался вмиг. Оружейник аж застонал от прохладного облегчения.

— Люблю тебя, золотой! И тебя, Тигра! — крикнул он и в среднем темпе пополз к столь желанной платформе.

Первым делом дополз до телефонов. Они не изменили ранее принятому решению, молчали, как партизаны в гестапо. Это обстоятельство уже не воспринималось как конец концов, Войнов решил: если через три дня за ним и Тигрой не придут, будет прекращать этот хренопроект с полным всплытием и побиванием морд всех противных этому, если таковые объявятся. Но это все потом, а сегодня еще нужно посетить медблок, обработать раны, празднично, до отвала накормить команду, помыться и спать, спать, спать. Оружейник улыбнулся, а чуйка правильно

подсказывала: «Не верь глазам, не верь инстинктам».

— Давненько так сладко не спал, — заявил только проснувшийся Михаил, зевая и потягиваясь.

Посмотрев на свои руки, он от удивления закашлялся и окончательно стряхнул остатки сна. Глаза видели, а сознание отторгало, отрицало, пискляво крича, как игрушечный злой фокусник за тридцать три доллара: «Иллюзии! Иллюзии! ». От вчерашних ссадин на руках и глубокой царапины на ребре правой ладони не осталось и следа.

— Как это возможно? — зеленка осталась, а вещественных доказательств борьбы за выживание не было, совсем. — Святые угодники, как же это?

Оружейник даже не осознал, как добрался до медбокса, вроде только лежал в кровати и вот уже он здесь, в царстве таблеточных блистеров. На скорую руку произвел раствор из лимонной кислоты на водной основе и спирта, смыл мазки зеленки напрочь. Глазам предстала чистая кожа, давешние повреждения пропали, исчезли, рассосались, будто их и не было вовсе. Миха какое-то время туповато разглядывал кисти рук, пробовал на ощупь и так и сяк, растягивал, тер еще вчера поврежденные места, результат оставался тем же — поразительным.

Дрожащими руками мужчина скинул комбез. На правом бедре еще вчера был огромный синяк, теперь же — ровного цвета кожа. Ноги оставались такими же худыми, но...

— О боже, — прошептал Михаил.

Темных пятен на голени словно бы и не было, и сама кожа на ногах теперь не напоминала пожелтевший пергамент, а выглядела совершенно здоровой.

«Здравствуй, надежда, ты снова со мной», — осторожно, будто боясь спугнуть свой шанс, подумал офицер.

Когда до него наконец дошло, в чем здесь дело, и отрицать очевидное не осталось никакой возможности, он, и слова не сказав, отправился за своей постелью. На зубах, по примеру бобров, припер тяжеленный двуспальный матрас с постелью прямо к двери, ведущей к реактору. Там же обнаружил и юнгу, дрыхнувшую без задних лап. Вот же животина — раньше него нашла лучшее место. Крыса не проснулась ни от шумного переезда Михи, ни даже оттого, что ее взяли в руки, лишь щелочкой приоткрыла и тут же закрыла один глаз, устраиваясь в руках Оружейника поудобней. На теле зверька не было и признаков инородных включений. Как Тигра умудрилась избавиться от технологического наследия подопытной, Михаил даже предположить не мог.

А жизнь-то невообразимым образом налаживалась. Со стороны его какое-то расслабленно-юродивое лицо и этот пугающий смех приняли бы за помутнение сознания, но ему сейчас, как говорит молодежь, все было по барабану. Над его постелью, как издевательство, красовался знак «Внимание! Радиация! », нежданно-негаданно возродивший надежду, став для Войнова знаком «Внимание! Регенерация! ».

Через пару дней Михаила перестало волновать, что там случилось на поверхности, у него наконец появилась цель, он изо дня в день видел улучшения в своих обездвиженных конечностях. Но он не любил быть лишь наблюдателем и как мог помогал этому процессу, беспрестанно массировал и сгибал ноги.

Все эти дни вахтенный с напарницей спали и жрали, именно жрали, другим словом то, что с ними обоими происходило, не назовешь. Миха не знал, как у Тигры, а у него аппетит проснулся не то что дикий, пугающий. Будто следуя зову, он, как кот, вынюхивающий валерьянку, на пару с крысой рыскал от столовой до медбокса, от медбокса до мастерской, подчиняясь этой проснувшейся тяге, поглощая то препараты с кальцием в удручающих количествах, то мелкую стружку бронзы или оружейной стали, вольфрам, жечь, алюминий, даже один свой нож из дамаска сточил — все шло в дело. Войнов уже с любопытством поглядывал на материалы, что еще не пробовал, и уже по вкусу мог отличить бронзу от латуни или свинец от олова.

В какой-то момент он перестал опасаться этой своей тяги. Наоборот, стал прислушиваться к запросам организма. Еще бы тут не прислушаешься — результаты этого обжорства поражали. На третий день с тела пропали все наколки, сделанные еще в юности, следом подчистую рассосались шрамы, а их у Оружейника за время службы накопилось предостаточно. Хронической усталости, пришедшей на плечах травмы, он также больше не ощущал, вернулось то ощущение из далекого прошлого, когда тело как бы само настаивало: «Давай, давай, нагружай, нагружай! ». И он со знанием дела нагружал, подтягиваясь до изнеможения, отжимаясь до дрожи в плечах, с каждым днем все больше и больше, больше и больше. Жизнь превратилась в дичайший спурт из физических истязаний и поглощения всего и вся.

В какой-то момент Миха перестал читать названия употребляемых медикаментов. Зачем? Он уже по наитию знал, что вот это цветастенькое — именно то, что нужно. Наверное, такую интуицию стрелок подхватил, как инфекцию, от Тигры.

Были и еще немислимые изменения. С каждым днем, проведенным в этом благодатном золотом смоге, Михаил и Тигра прогрессировали: крыса подозрительно заметно подросла, да что там заметно, вдвое, а он уже точно знал, что это необъяснимое сияние рано или поздно поставит его на ноги, оно уже начало.

* Автоматический пистолет Стечкина.

<http://tl.rulate.ru/book/15403/304844>